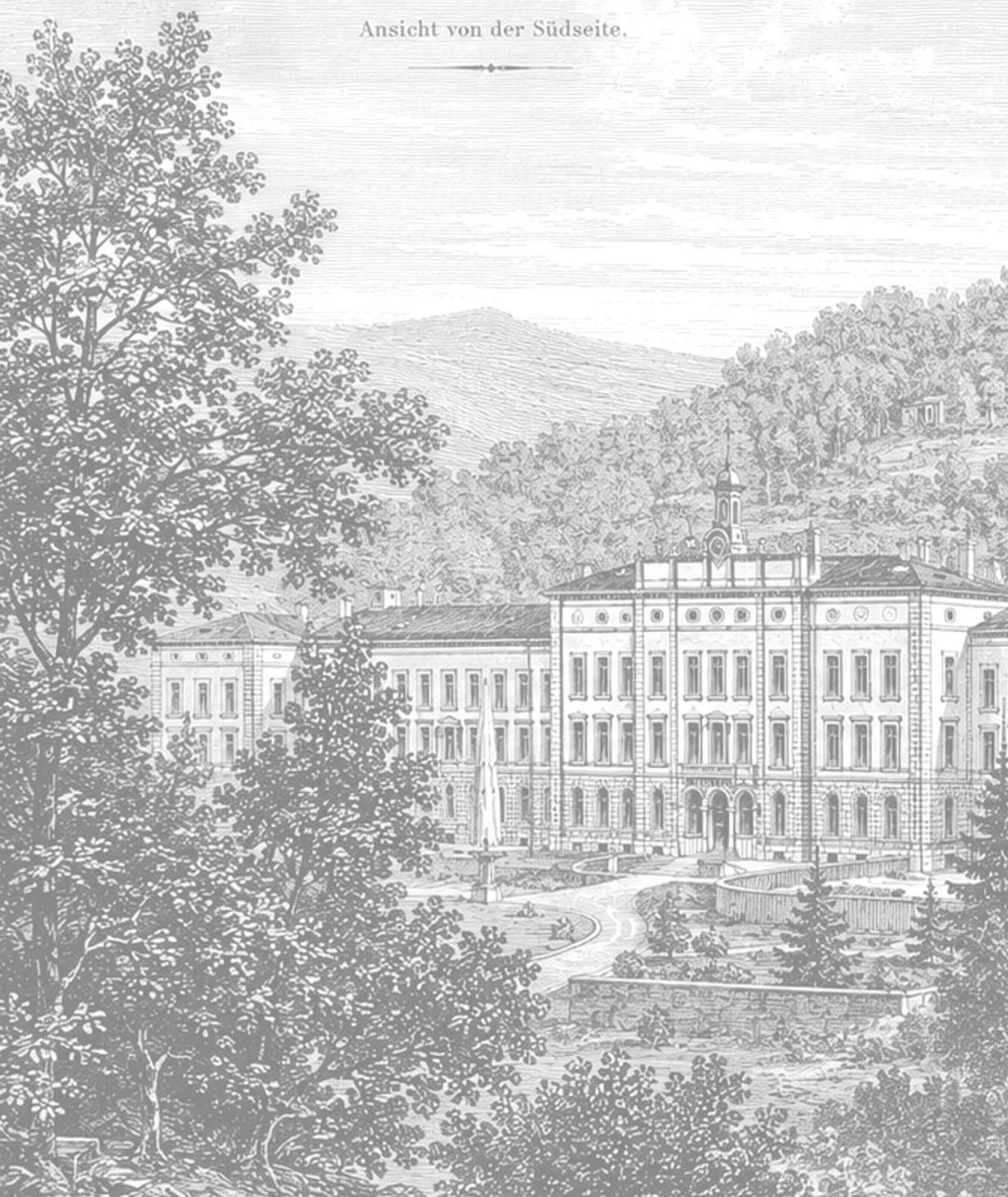

ЖЕНЫ ВЕЛИКИХ

BURGHÖLZLI.
Irrenanstalt bei Zürich.

Ansicht von der Südseite.

ЕЛЕНА АРНОЛЬДИ

ПАЦИЕНТКА

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ
КАРЛА ЮНГА

Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А84

Арнольди, Елена.

А84 Пациентка. Русская любовь Карла Юнга / Елена Арнольди; предисловие Ольги Хейфиц. — Москва : Эксмо, 2026. — 368 с. — (Жены великих. Они вдохновили гениев).

ISBN 978-5-04-230798-0

Цюрих, начало XX века. В знаменитой лечебнице Бургхёльцли начинается эксперимент, которому суждено войти в историю. Молодой врач Карл Густав Юнг берется за лечение Сабины Шпильрейн — блестящей девушки из России, чей диагноз кажется приговором. Однако то, что начиналось как врачебная практика, быстро перерастает границы дозволенного, превращаясь в интеллектуальный и чувственный поединок. Сабина Шпильрейн, первая женщина-психоаналитик, пройдя путь от пациентки Юнга до ученого, пытается реализовать свои идеи в Советской России, но ее жизнь обрывается в 1942 году в оккупированном Ростове, где она погибает вместе с дочерью в массовом расстреле евреев, оставив после себя лишь сожженные рукописи и забытое имя. Елена Арнольди мастерски реконструирует судьбу Сабины — не просто «пациентки» или «музы», а самостоятельного мыслителя, стоявшего у истоков психоанализа. В этой книге личная драма переплетается с научным противостоянием двух титанов — Юнга и Фрейда, для которых Шпильрейн стала одновременно камнем преткновения и роковым вдохновением. Перед читателем разворачивается панорама европейской культуры накануне великих потрясений: от стерильных палат швейцарской клиники до блистательных залов Вены. Это повествование о праве женщины на собственный голос, о тонкой грани между гениальностью и безумием и о любви, ставшей для героев и высшим даром, и тяжелейшим испытанием. Основанная на письмах и документах, книга возвращает из небытия имя женщины, чьи идеи опередили свое время и заложили фундамент психоанализа XX века.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Елена Арнольди, текст, 2026
© Ольга Хейфиц, предисловие, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-230798-0

Эрос и Танатос

Сабины Шпильрейн

«А самое главное — буду ли я настолько способна? Между тем, без науки для меня жизнь совершенно невыносима».

Сабина Шпильрейн. Дневник,
25 апреля 1905 года

Снова и снова мучил ее один и тот же сон о бешеной собаке. «Наверное, это как-то связано с отцом», — думала Сабина. Она всегда запоминала сны, научилась этому от матери, которая обожала всякие знаки судьбы. Однако в ту ночь размышлять о природе сновидений было недосуг, завтра она впервые шла в гимназию.

* * *

В первый учебный день одиннадцатилетняя Сабина Шпильрейн проснулась раньше всех, в доме было тихо. Она страшно волновалась, даже не смогла как следует отыграть музыкальные этюды, просила папу проводить ее, но получила отказ, пришлось идти одной, впрочем, нестрашно, гимназия находилась совсем рядом. Столько событий, новых знакомств! Вечером Сабина открыла тетрадь и описала прожитый день.

Так начинается дневник, который Сабина Шпильрейн будет вести несколько лет, сначала по-русски, потом по-немецки. Дневник подростка — субстанция недолго-

вечная, однако тетради Шпильрейн пережили и свою хозяйку, и почти всех, о ком в них идет речь.

Сабина пишет пером и чернилами, старательно выводя яти.

Ей нравится заигрывать с происхождением слов, пересыпать глаголы и существительные из русского в немецкую, французскую и сразу же в английскую речь. Хорошо знать много языков и видеть, как связаны речь и наши мысли. Люди разных языков мыслят по-разному.

Неожиданно на страницах дневника появляются гробы, скелеты, причудливые необъяснимые каракули и изображение черта с двойной спиралью вместо глаз. Талантливые девочки любят черта, Марина Цветаева в детстве возвела его в статус лучшего друга. Фантазия о Черте — вероятное свидетельство внутреннего конфликта между назревающей чувственностью, подростковой потребностью к бунту, любовью к властным контролирующим родителям.

Каллиграфия и чудовища прекрасно уживались в одной детской тетради, как порядок и хаос в душе и судьбе Сабины Шпильрейн.

* * *

Необыкновенно восприимчивая, тонко чувствующая, Сабина Шпильрейн была вместе с тем одарена глубоким пытливым умом, интеллектом мыслителя и новатора. Умом бесстыдным в исследовательском любопытстве, однако точным, не терпящим суеверий. В своем конкистадорском, но проницательном подходе к знанию она скорее напоминает Фрейда, чем своего первого учителя и возлюбленного Карла Юнга. Талантами визионера и способностью отстаивать совершенно новые смелые взгляды там, где у нее не было предшественников, она

тоже напоминает основателя теории психоанализа, но, вероятно, Фрейд слишком настороженно относился к женщинам, чтобы сразу различить в Сабине соратницу.

Сабина Шпильрейн — женщина, чья история будто бы задумана и осуществлена ради вдохновения. Мне нравится мысль, что чужих историй не существует, каждая способна напомнить нам о чем-то или чему-то научить. История Сабины учит смелости, воле к жизни и тому, что невзирая на болезни и печали, знание — свет, который делает мир лучше.

Ее имя, как правило, связывается с именами Карла Густава Юнга и Зигмунда Фрейда. Сабина словно обречена быть частью мифа о волнующем интеллектуальном треугольнике великих патриархальных мыслителей и юной русской, однако хочется освободить ее из этого несколько ограниченного контекста и амплау «любовницы» Юнга или ученицы Фрейда. Слишком долго Сабине приписывалась скромная роль «малышки», случайно натолкнувшей взрослых мужчин на научные прозрения.

Сабина Шпильрейн, русская еврейка, одна из первых женщин-психоаналитиков, в двадцать семь лет уже получившая докторскую степень по медицине в Цюрихе, оказала фундаментальное влияние на развитие психоанализа.

Ее «русским вкладом» в психоанализ стала ранняя теория деструктивного влечения. Она предвосхитила некоторые положения фрейдовской концепции влечения к смерти, хотя понимала разрушительные импульсы иначе: как необходимую сторону любви, преобразования и возникновения нового. В статье «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд наконец признал ее теоретический приоритет, заметив в сноске, что Шпильрейн предугадала значительную часть его рассуждений.

Впрочем, этим ее влияние не ограничивалось. Шпильрейн внесла значительный вклад в раннее психоаналитическое понимание шизофрении, детской психологии, исследование происхождения речи и связи между языком и мышлением. Она писала об афазии, сновидениях, бессознательных процессах и развитии ребенка, объединяя психоанализ с лингвистикой и неврологией. Сабина Шпильрейн стала одной из самых оригинальных и плодотворных специалистов раннего русского психоанализа, в более широком контексте истории психологии ее исследования детской речи сопоставляют с работами Пиаже, Выготского и Лурии.

Однако признание пришло к ней лишь спустя десятилетия после смерти. Работы Сабины Шпильрейн долгое время находились на периферии психоаналитической теории, в том числе из-за того, что ее имя связано с романтизированной и скандальной историей любви.

Привязанность, влечение между Сабиной и Юнгом не вызывают сомнений, однако границы физической стороны этой связи размыты. Сама Сабина называла их отношения «поэзией», что могло означать многое, и все же документальных свидетельств, которые позволили бы установить истинную форму их близости, у нас нет.

С одной стороны, этот эпизод автоматически сделал Сабину легендарной героиней, однако с другой, надолго заслонил от нас ценность ее профессиональных достижений и помешал оценить глубину трагизма ее личной судьбы.

К счастью, Сабина вела дневники и переписку, и эти тексты дарят нам радость знакомства с настоящей женщиной: честолюбивой, смешливой, тревожной, невероятно упрямой. Сабина с детства фиксировала свои пережива-

ния в литературной форме: ее дневники пестрят сказками и стихами, описаниями сновидений и попытками их разгадать.

* * *

Дом Шпильрейнов стоял на Пушкинской улице в Ростове-на-Дону. Это была состоятельная, светская еврейская семья. Сабина росла рядом с тремя шумными, драчливыми братьями и любимой младшей сестренкой, Милочкой. Вместе они варили апельсиновое варенье, злоумышляли против противной бонны Мадмаськи, заботились о маленьком шенке по прозвищу Белок.

Николай Аркадьевич Шпильрейн происходил из рода бедных варшавских евреев, но сумел самостоятельно нажить состояние и выучиться. Он знал несколько языков, включая древнееврейский, греческий и латынь. Просвещение стало его личной религией. Николай Аркадьевич мечтал для своих детей о судьбе ученых и в этом преуспел, однако методы его были далеки от визионерских, скорее наоборот: Николай Шпильрейн оказался деспотичным и непредсказуемым отцом. Он страдал от резких перепадов настроения, был несдержан и часто прибегал к телесным наказаниям. Однако Николай Шпильрейн все-таки осуществил суровый просветительский проект: четверо его детей посвятили себя науке.

Ян Шпильрейн стал математиком, инженером и специалистом по теоретической механике и электротехнике. Профессором, членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Исаак Шпильрейн сделал карьеру в психологии и лингвистике, участвовал в создании советской психотехники, предшественницы современной психологии труда.

Эмиль Шпильрейн получил звание профессора биологии.

Мать Сабины, Ева Люблинская, живая и одаренная, получила медицинское образование, некоторое время работала стоматологом и принадлежала к числу первых женщин своего поколения, сумевших выйти за пределы традиционного домашнего воспитания, однако в историю Ева вошла как болезненная истеричка с разбитым сердцем и непомерной тягой к шопингу.

Интересно, что судьба Евы, матери Сабины, схожа с драмой Марии Мейн, матери Марины Цветаевой. Отец запретил ей выходить замуж за любимого мужчину, но одобрил брак с перспективным Шпильрейном. Ева стала женой Николая Аркадьевича без любви, да и все профессиональные начинания были со временем заброшены, так что главной ее страстью стали красивые вещи.

В семейный миф Шпильрейн входит та же легенда, что властвовала в семье Цветаевой по женской линии. Все женщины этой семьи были исключительно одарены и несчастны в любви.

Отец связывал будущее Сабины с наукой и переездом в Европу, мать — напротив, с домашней жизнью и достойной женской судьбой.

Сабина хотела и того, и другого, мечтала стать врачом, родить детей, получить благословение родителей, сохранить независимость и пережить любовь вагнерианского масштаба. Она требовала от судьбы всего, совмещения разнородных элементов существования, но главное — она боялась утратить свободу, потому что только в свободе ей виделась безопасность. Близость давалась ей не без труда. Вероятно, рядом с садистическим, но опекающим отцом, у Сабины мог сложиться тревожно-избегающий тип привязанности, при котором острая потребность в любви

сочетается со страхом утраты себя. Это всего лишь гипотеза, однако она хорошо описывает конфликт, который Сабина фиксирует в дневнике.

«Опять так больно и тяжело! Я как-то боюсь сближаться с людьми. Боюсь за свою свободу. Единственное, что у меня теперь есть на свете — это свобода, и я со всех сил оберегаю это последнее благо. Я не переносу ни малейшего посягательства на мою личность даже в форме простого наставленья, нотации. И чем больше человек имеет прав на меня, тем больше он может меня взбесить даже самой дружеской нотацией».

* * *

Тяжелая атмосфера в доме, недостижимые отцовские стандарты и требования, материнские истерики, жестокие телесные наказания и неожиданная смерть младшей сестры к пятнадцати годам спровоцировали у сверхвосприимчивой Сабины острый психологический кризис.

Ее капризы, аффективные вспышки, гримасы, брань, смех и слезы шокировали даже выдавших виды психиатров. Это сочетание незаурядного ума и диких вызывающих поведенческих реакций привело в смятение и успешного молодого врача Карла Юнга, когда летом 1904 года мать привезла девятнадцатилетнюю Сабину в известную клинику Бургхёльцли в Швейцарии. Юнг служил там врачом-ассистентом первого класса под руководством выдающегося психиатра Эйгена Блейлера и мечтал применить абсолютно уникальный, новейший метод психоанализа, только что описанный Зигмундом Фрейдом.

Юнга увлек случай Шпильрейн, а следом и сама русская пациентка, ее интеллект, чувствительность, способность к необычным и смелым интерпретациям. Миниа-тюрная, темноволосая девушка, искрящаяся и живая

как жизнь, не могла не привлечь внимание Карла, хотя в начале их знакомства он еще пребывал в лоне благопристойной христианской морали. Меньше чем за год, при активном содействии Сабины, Юнг добился стойкой ремиссии, это ли не чудо, учитывая, что другие именитые врачи полагали ее безнадежно больной.

Сабина же сразу влюбилась в своего красивого врача.

«Сабине еще не исполнилось и девятнадцати лет, и она пребывает в беспрестанном поиске понимающей отцовской фигуры. Юнг — высокий, статный, белокурый, в очках в золотой оправе — как Николай Шпильрейн. Нет сомнений, Сабина влюбится в этого подтянутого молодого доктора — это предчувствовала ее мать при первой же их встрече», — пишет биограф Шпильрейн Сабина Рихебехер, и если она права, а Юнг был похож на Николая Аркадьевича, (на фото так оно и есть) то можно предполагать, что для Сабины встреча с ним означала воплощение мощнейших потребностей: быть любимой и признанной человеком, символизирующим отцовскую фигуру. Эта встреча могла одновременно реализовать эдипальный фантазм¹ и потребность в признании: от такого невозможно отказаться.

Юнг действительно разглядел в талантливой русской девушке яркий интеллект (Карл, кстати, всегда был притягателен для женщин отчасти потому, что умел ценить их ум), сделал ее союзницей, а позже почти коллегой, позволил ей наблюдать за больными и учиться у него.

История их отношений, романтическая и не до конца ясная, легла в основу важнейшего открытия — *любовного*

¹ Эдипальный фантазм можно определить как воображаемый сценарий, в котором в преобразованном защитами виде исполняется бессознательное желание, связанное с эдипальной ситуацией: влечением к одному родителю и конкуренцией с другим.

трансфера — ставшего одним из центральных понятий психоаналитической терапии.

Сабина Шпильрейн окончила университет, защитила диссертацию, была принята в Венское психоаналитическое общество, публиковалась, читала доклады, курсировала между Цюрихом, Веной, Берлином, Женевой, Москвой и Ростовом. В 1912 году она вышла замуж за врача Павла Шефтеля. Родилась дочь Рената, потом, через двенадцать лет сложных отношений с мужем, родилась вторая дочь — Ева.

* * *

Жизнь бывала разной, но работа продолжалась при любых обстоятельствах.

После 1931 года публикации Шпильрейн прекращаются. К этому времени психоанализ в Советском Союзе стремительно вытеснялся из официальной науки, Сабина Николаевна лишилась привычной работы и некоторое время служила школьным врачом.

Осенью 1937 года Сабину впервые увидела тринадцатилетняя Нина, дочь Павла Шефтеля и его любовницы Ольги Снитковой. Нину часто называют падчерицей Шпильрейн, хотя отношения между ними едва успели сложиться.

Нина запомнила Сабину «безумно непрактичной». Та носила одежду, которую ей отдавали, ходила в длинной черной юбке и сапогах с пряжками, сутулилась и казалась «маленькой старушкой». «Было очевидно, что это сломленная женщина», — вспоминала Нина.

В том же разговоре Нина вспоминала ее поразительную ясность ума и сравнивала с Лидией Гинзбург. Этот образ вновь заставляет меня вспомнить Цветаеву (я знаю, что сравнение с Мариной Ивановной соблазнительно почти

в каждой истории женщины незаурядного таланта и трагической судьбы, однако здесь речь идет о вполне реальных событиях).

Женщина из процветающей интеллигентной семьи осталась одна с двумя детьми, без дома и без средств к существованию. В какой-то момент Сабина потеряла всех родных мужчин: братья были арестованы и расстреляны, отец умер от горя, муж то ли покончил с собой, то ли не выдержало сердце, но ни бедность, ни ужас перед грядущим будущим не помешали Сабине Николаевне продолжать писать. Так же как Марина Ивановна Цветаева в схожих трагических обстоятельствах, окруженная арестами и смертями, всегда выбирала поэзию, как лучший способ выжить, так Сабина Николаевна выживала с помощью науки.

* * *

От европейских коллег Шпильрейн к тому времени была отрезана уже много лет. Поэтому Генри Цви Лотан предположил, что до нее могли не дойти слова Юнга об «арийском» и «еврейском» бессознательном.

В статье 1934 года о положении современной психотерапии Юнг выдвинул спорное утверждение, что «арийское» бессознательное обладает более высоким потенциалом, чем «еврейское», и упрекал Фрейда в непонимании германской психики — позиция, несовместимая с современными этическими и научными нормами.

Знала ли Сабина об этом тексте, неизвестно.

В этой точке я невольно вспоминаю другую великую женщину — Ханну Арендт и ее любовь к Мартину Хайдеггеру. Молодая еврейская интеллектуалка влюбляется в женатого преподавателя, который гораздо старше. Спу-

стя годы он становится проповедником национал-социализма.

Полного совпадения между этими историями, разумеется, нет и быть не может, однако символическое сходство тоже имеет значение.

* * *

Между 11 и 14 августа 1942 Сабина Николаевна Шпильрейн и ее дочери, Рената и Ева Шефтель, были убиты в ходе массового уничтожения евреев в Змиёвской балке зондеркомандой 10а айнзацгруппы D.

* * *

Трагическая судьба, однако, в этой истории есть много ободряющего, даже терапевтического.

Прожить всю жизнь в счастье — довольно иллюзорная мечта. Страх перед неприятностями и страданиями лишает нас удовольствия, мешает двигаться, быть свободными и, собственно, жить.

Карл Юнг писал об этом: *«Главная цель психотерапии заключается не в том, чтобы довести пациента до несбыточного состояния счастья, а в том, чтобы ему помочь обрести стойкость и философское спокойствие перед лицом страданий»*¹.

Страданий не избежать, разочарований тоже, и, в таком случае, гораздо важнее становится не то, насколько счастливо нам живется, а насколько интересна наша жизнь. Как много мы позволяем себе узнать, испытать и пережить, не отмахиваясь от печали, не обедняя амплитуду чувств?

¹ Юнг К. Г. Психотерапия и мировоззрение // Божественный ребёнок.

Пример Сабины Николаевны Шпильрейн освобождает от необходимости жить безупречно, жить счастливо или уютно, зато убеждает в том, что истинная радость — в осмысленности нашего пути, или хотя бы в поиске смысла.

*Ольга Хейфиц,
писатель, филолог, магистр психоанализа,
автор просветительского проекта
«Архитектура Личности»*

1

Жизнь можно понять только назад, но вся штука в том, что прожить ее надо вперед.

Зигмунд Фрейд

Когда чиновник уверял, что мадам сможет вернуться в Женеву, как только пожелает, Сабина чувствовала, что он лжет, хотя ничто не выдавало эту ложь, чиновник и сам верил в то, что обещал.

На лице выражение скуки и желания поскорей закончить пустой для него разговор. Вернется — не вернется... Какая разница? Что значит судьба одной-единственной женщины, когда в мире вершатся такие дела? Она психоаналитик? Советской России сейчас нужны грамотные, образованные люди. Шпильрейн такая, пусть попробует, вдруг и она пригодится?

На что надеялась сама Сабина?

Что будет нужна в Советской России, что ее диссертация, защищенная в Цюрихском университете, знания, опыт послужат во благо. Что удастся наладить отношения с мужем, уехавшим в Ростов несколько лет назад, и они снова станут семьей.

Что братья действительно успешны, особенно Исаак, который тоже вернулся в Россию не так давно и теперь востребован как блестящий лингвист и психотехник. Надеялась, что в Москве ее любимый психоанализ действительно на взлете, в чем заверяли многие. Это направление курировал сам Троцкий, о котором Зигмунд Фрейд

отзывался очень хорошо. В Советской России создавали нового человека — свободного от глупых условностей, от наслоений буржуазной морали, человека будущего. И у Шпильерейн появилась возможность участвовать в создании такого человека, воспитывая «детей будущего». Это ли не мечта любого психоаналитика? Не исправлять бесконечные детские проблемы, а воспитывать, можно сказать, с пеленок.

Зигмунд Фрейд осторожно внушал, что им, евреям, не место в нынешней Европе, которая через десяток лет окончательно скатится к нацизму и еврейским погромам. Что умным и образованным евреям сейчас хорошо в Советской России и ехать надо туда, если уж не хочешь за океан (сам позже с огромным трудом перебрался в Лондон). В Москве перевели, кажется, все, что вышло из-под пера Фрейда, причем переводили на русский даже раньше, чем на тот же английский или французский. Потому на вопрос, стоит ли стремиться в Москву, Фрейд уверенно ответил: «Да, стоит, если вы свободно владеете русским».

Карл Юнг ничего не сказал, он давно уже ничего ей не советовал, у Юнга другая любовница — Тони Вольф, против которой его супруга, строгая моралистка Эмма Юнг, почему-то ничего против не имела.

Сабина смертельно устала, больше не могла существовать на те крохи, которые перепадали от работы других, устала каждый день думать о простом куске хлеба вместо занятий наукой, устала чего-то ждать. Работы ни в Берлине, ни в Женеве не было, денег тоже, перебиваться случайными заработками надоело, а главное — впустую уходили годы.

И все-таки она оставила лазейку для возвращения: сложила дневники, письма и рабочие материалы в под-

вале института Руссо в Женеве (будет хотя бы формальный повод выехать за ними). Брат Яша советовал сразу оговорить возможность для себя вернуться в Женеву в случае какого-то неустройства в Москве. Чиновник только плечами пожал, мол, не думаю, мадам, чтобы вас силой держали в Москве. Оставалось надеяться, что так и будет...

* * *

В 1904 году девятнадцатилетнюю Сабину Шпильрейн из Ростова-на-Дону в Швейцарию привезла мать — на лечение в психиатрическую клинику к Карлу Юнгу. Через девятнадцать лет Сабина, возвращаясь, не могла предугадать, что все пойдет не так и что жить ей до трагической гибели осталось тоже всего девятнадцать лет. В 1942 году евреям стало смертельно опасно не только в нацистской Европе, но и в оккупированном Ростове-на-Дону.

А еще что ее имя, хорошо известное в научных кругах Европы, на Родине будет надолго забыто. Но теперь восстановлено.

У Карла Юнга, начинающего врача цюрихской психиатрической клиники Бургхёльцли, новая пациентка — девушка из России Сабина Шпильрейн. У нее явные симптомы истерии, одной из самых распространенных болезней среди состоятельных дам начала XX века.

И Юнг с одобрения руководителя клиники Эйгена Блейлера начал с Сабиной психоаналитические сеансы по новому методу Зигмунда Фрейда, полагающего, что истерия у взрослых пациентов «родом из детства». Юнгу пришлось добираться до самых потаенных уголков памяти Сабины...

Из комнаты Яши доносились его вопли и сердитый голос папы. Сабина прислушалась. Папа наказывал за

провинности строго, а за то, что Яша кричит, наказание усилено. Но братик маленький, не понимал, что нужно обещать вести себя хорошо, а не орать на весь дом.

Сабина открыла дверь в комнату младшего брата и замерла на пороге.

Папа положил Яшу на свои колени лицом вниз, спустил его штанишки и шлепал пониже поясницы. Нафтулий Мовшович не впервые так вбивал правила хорошего поведения в своих детей, доставалось и самой Сабине. Девочка уже видела подобную сцену, но никогда вот с такого положения.

Отец оглянулся на дверь и недовольно нахмурился. Понятно, что лучше удалиться как можно скорее, иначе можно получить порцию шлепков и себе, но двинуться с места удалось не сразу. Произошло нечто, запомнившееся Сабине надолго. То ли из-за наказания, то ли просто приспичило, но маленький Яша... как сказала бы противная горничная Надя, удивил родителя «детской неожиданностью», то есть попросту испачкал папе руку. Тот заорал громче Яши, буквально отшвырнул мальчишку на ковер и затряс рукой. Теперь по квартире разносились кроме воплей Яши еще и крики главы семейства.

Прибежавшая на шум мама отодвинула в сторону Сабину и бросилась к лежавшему на ковре ребенку. Папа вытирал испачканную руку о покрывало на Яшиной кровати. Мама пыталась поднять сына, стараясь не испачкаться сама, а Сабина застыла в двери, не в силах двинуться с места. Оттолкнула ее Надька:

— Та что ж ты встала-то, тетеря?!

Только теперь Сабина бросилась прочь, пытаясь осмыслить увиденное.

Ее испугало не наказание двухлетнего Яши, даже не то, что тот вдруг не справился с физиологическим позывом.